

УДК 94(437.7):438.081:437:1935/1936

UDC

DOI: 10.17223/18572685/58/9

ПОДКАРПАТСКАЯ РУСЬ В КЛЮЧЕ ПОЛЬСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ОТНОШЕНИЙ (ВЕСНА 1935 – 1936 гг.)

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: roland60@mail.ru

Авторское резюме

Рассматриваются малоизвестные аспекты польско-чехословацких отношений в контексте их направленности относительно Подкарпатской Руси в период 1935–1936 гг., т.е. в период переформатирования варшавским режимом «санации» своих «восточных планов», поставленных под вопрос после смерти маршала Пилсудского, в пользу создания т.н. «нейтрального блока». Обязательным условием для его создания подразумевалось установление общей польско-венгерской границы за счет земель Подкарпатской Руси. Договоры о взаимопомощи, заключенные весной 1935 г. Москвой, Парижем и Прагой, позволили последней, с одной стороны, в значительной степени обезопасить себя от возможной агрессии, а с другой – вынудили искать пути осуществления своей безопасности, в т.ч. с помощью модернизации Малой Антанты и сближения с Бухарестом.

Ключевые слова: Польша, Чехословакия, Подкарпатская Русь, 1935–1936 гг., Малая Антанта, «нейтральный блок», «междуморье», польско-венгерская граница.

SUBCARPATHIAN RUS IN THE CONTEXT OF POLISH-CZECHOSLOVAKIAN RELATIONS (THE SPRING OF 1935 – 1936)

S.V. Morozov

Belgorod State National Research University
85 Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: roland60@mail.ru

Abstract

The author focuses on the unrenowned aspects of the Polish-Czechoslovak relations in connection with Subcarpathian Rus in 1935–1936, when the Warsaw Regime of Sanation was shaping their “eastern plans” to create the so-called “neutral block” after Marshal Piłsudski’s death. The neutral block required a common Polish-Hungarian border at the expense of Subcarpathian Rus territories. The mutual assistance agreements concluded in the spring of 1935 by Moscow, Paris and Prague allowed the latter to protect itself from a possible aggression, on the one hand, while on the other, forced them all to look for ways to implement their security through modernization of the Little Entente and rapprochement with Bucharest.

Keywords: Poland, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, 1935–1936, the Little Entente, “neutral block”, Polish “intersea project”, common Polish-Hungarian border.

Время мчится стремительно, неумолимо внося свои коррективы в жизнь людей, народов и государств, которым приходится не только существовать, приспосабливаться, но и влиять на непрерывно изменяющиеся обстоятельства в международных отношениях. Не успели президенты Д. Трамп и А. Дуда подписать 12 июня с. г. в Вашингтоне соглашения о создании в Польше т. н. «Форта Трамп», предусматривающего размещение в дополнение к уже имеющимся 4,5 тыс. дополнительной тысячи военнослужащих США, а также о приобретении 30 истребителей F-35, как уже 9 июля появились сообщения о том, что президент В. Путин и его заокеанский визави в рамках возможного «Ялтинского сговора 2.0» могут лишиться Польшу буферной зоны, в т. ч. в виде Украины [10; 15]. О грядущих новых Ялтинской и Бреттон-Вудской конференциях, на которых Путину и Трампу предстоит юридически оформить крах глобалистских замыслов, что предполагает, в частности, восстановление влияния России в Восточной Европе, заговорили видные российские экономисты [19]. Ослабление там американского влияния может иметь следствием повышение политической активности не только восточных регионов Украины, но и юго-западных, прежде всего Закарпатья¹, «часть населения которого, являясь потомками русинов, до настоящего времени идентифицирует себя с этим народом» [12: 252].

В межвоенный период обстоятельства на политической арене менялись хоть и не столь молниеносно, но в течение 1932–1936 гг.

свидетельствовали, среди прочего, с одной стороны, о великодержавных амбициях варшавского режима «санации», а с другой – о той изобретательности, с какой он действовал в стремлении восстановить «былое величие» Польши. И если в период 1932 – весны 1935 г. польское руководство, прежде всего в лице маршала Ю. Пилсудского, в глубокой тайне совместно с гитлеровской Германией и милитаристской Японией вынашивало планы антисоветской интервенции, то с лета 1935 по осень 1936 г. идейные наследники покинувшего бранный мир 12 мая 1935 г. «дедушки»², среди которых одну из главных ролей играл глава варшавского МИД Ю. Бек, делали ставку на создание оси Варшава–Будапешт–Рим, или т. н. нейтрального блока. Его обязательным условием должно было стать *установление общей польско-венгерской границы за счет земель Подкарпатской Руси*, входившей тогда в состав Чехословакии.

Целью данной статьи является рассмотрение польско-чехословацких отношений с учетом интересов Праги и Варшавы в Подкарпатском регионе. Хронологические рамки определены весной 1935–1936 г., когда пилсудчики³, вследствие, с одной стороны, заключения советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, а с другой – усиления позиций нацистского Берлина, были вынуждены начать корректировку своих «восточных» планов посредством вовлечения в совместные политические комбинации прежде всего Будапешта. Сопутствующая цель статьи – показать взаимосвязь преемственности польской внешней политики путем демонстрации авантюризма, заключающегося в стремлении выстраивать, преследуя химерные цели восстановления великодержавности, сомнительные военно-политические комбинации: в настоящее время – за счет навязываемого нынешними властями Польши сближения с США, в прошлом – посредством попыток сближения с Венгрией.

Согласно мнению авторитетного исследователя А.И. Пушкаша, выбор идейными наследниками Пилсудского именно данной страны был в определенной степени закономерен: «И у Венгрии, и у Польши в этот период были общие интересы: антисоветизм, антикоммунизм и ненависть к Чехословакии» [14: 103]. Данное утверждение основано на архивных материалах. В служебной записке будапештского МИД, созданной накануне визита 19 октября 1934 г. премьер-министра Д. Гёмбёша в Варшаву, отмечалась геополитическая важность присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии, что обуславливало «общий венгеро-польский интерес», суливший «возможность далеко идущего сотрудничества». Отмечалась оптимальность установления общей венгеро-польской границы и одновременно неосуществимость этой цели на тот момент [14: 105; 27: К-64. 1934. 17. 573]. Следова-

тельно, ее достижение ставилось в зависимость от такого фактора, как время.

Третий месяц весны 1935 г. был богат важными событиями, в корне изменившими политическую обстановку в европейских международных отношениях. 2 мая в Париже советский полпред В.П. Потемкин и министр иностранных дел Франции П. Лаваль подписали договор о взаимной помощи между СССР и Францией. А 16 мая в Праге последовало заключение полпредом С. Александровским и главой МИД Э. Бенешем аналогичного договора между СССР и Чехословацкой Республикой [7: 309–312, 333–336]⁴. Эти документы кардинальным образом «изменили ситуацию в правовом поле международных отношений. Идея коллективной безопасности была фактически реализована в составе всего лишь трех участников – СССР, Франции и Чехословакии. <...> была создана система *малой коллективной безопасности*» (выделено автором. – С.М.) [11: 50]. Это откладывало на неопределенный срок реализацию планов Пилсудского, Гитлера и японских милитаристов по антисоветской агрессии, намечавшейся в глубокой тайне на вторую половину 1935 г.

Изменения политической обстановки в европейских международных отношениях, способствовавшие началу процесса корректировки режимом «санации»⁵ участия Вежбовой в «восточных планах», никак не повлияли на тенденции, имевшие место в польско-чехословацких отношениях. В результате длившегося уже долгое время процесса их охлаждения еще 25 марта 1935 г. покинул Варшаву тогдашний посланник ЧСР Вацлав Гирса [25: 166].

Вскоре за этим двусторонние отношения подверглись обострению вследствие «эскалации [польским меньшинством Тешенской Силезии] конфликта, который вспыхнул в июле – октябре 1935 г.». Документы свидетельствуют, что первые сообщения об этом относятся к последней декаде июня. Демонстрации и газетные кампании привели к кризису в польско-чехословацких отношениях, достигшему своей кульминации осенью, когда он распространился и на дипломатическую сферу: были отозваны польский и чехословацкие консулы, а Прагу покинул посланник В. Гжибовский [25: 166].

Избрание 18 декабря 1935 г. на пост президента ЧСР Э. Бенеша, по мнению Е. Козеньского, «перечеркивало возможность какого-либо соглашения Варшавы с Прагой, ибо в польском лагере не усматривали никаких общих целей, а взаимная неприязнь Бека и Бенеша исключала любые личные контакты». Польский исследователь вполне справедливо отметил, что «первый остался на прежней должности министра, а второй, пользующийся еще большим авторитетом как на западе, так и на востоке, был избран главой государства» [25: 167].

В качестве своеобразного послесловия к итогам 1935 г. можно привести мнение М. Пулаского: «На пороге 1936 г. между обоими государствами существовала значительная дистанция, и они были далеки от достижения соглашения, хотя, несмотря на это, более рационально мыслящие чехословацкие политики не отказались от попыток в этом направлении» [30: 116].

Не способствовала улучшению двусторонних отношений и вышедшая в Берлине книга К. Витта «Тешенский вопрос», где, в частности, говорилось о стремлении польской внешней политики создать общую границу с Венгрией [32: 118–232]. Наличие данной цели у последней усматривали и некоторые из западных дипломатов. В частности, французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе заявил 23 января 1936 г. венгерскому посланнику Д. Стояи об опасности внешнеполитических целей премьера Гёмбёша, поскольку тот «вместе с поляками стремится задушить Чехословакию и установить общую венгеро-польскую границу» [14: 182; 26: К-83. 1936. 15. 1-3.1].

Относительно опуса Витта пражские политики не промолчали, и в «печатном органе тогдашнего чехословацкого премьера» М. Годжи кошицкой газете «Виход републики» от 8 февраля 1936 г. была опубликована статья, где в завуалированном виде присутствовала Подкарпатская Русь. В частности, в последнем абзаце публикации говорилось следующее: «Здесь только будет один крепкий орешек: в Европе этих коридоров немного больше. Один из них составляет украинскую землю, присоединенную к Польше. Она отделяет *наших русинов* (курсив мой. – С.М.) от Великой Украины. Если судьба укажет, а Польша начнет – славянская Россия поймет свой исторический долг и подаст Чехословакии дружескую руку через Дукельский перевал. Это положило бы конец польским химерам и истерическому братанию с Венгрией за наш счет, так же, как и польскому диктаторскому правлению и польским политическим авантюрам» [16: 190].

Дабы подкрепить слова делом, чехословацкие власти проводили политику выселения польских граждан из страны, о чем свидетельствовали донесения польской военной разведки. В частности, в сообщении от 25 февраля 1936 г. речь шла о принудительном выселении из Подкарпатской Руси в Польшу украинских эмигрантов, участников бывшей «галицкой» армии, в качестве ответной меры за выселение чехов из Польши [16: 192]. Следует отметить, что иногда происходило не выселение, а принудительное переселение поляков и иностранных граждан, например, с территории повета Гуменнэ, в связи со строительством объектов стратегического значения – железной дороги и системы складов: северной магистрали и военного лесного резерва [16: 185].

Тем временем французский парламент 27 февраля проголосовал за ратификацию договора о взаимопомощи, а ранним утром в субботу⁶ 7 марта 1936 г. германские войска вошли в демилитаризованную зону⁷, нарушив тем самым Версальский и Локарнский договоры. Статьи 42 и 43 Версальского договора запрещали Германии укреплять левый берег Рейна, а также 50-километровую полосу к востоку от Рейна на его правом берегу, равно как и держать в этой зоне вооруженные силы. Статья 44 однозначно предупреждала, что в случае какого бы то ни было нарушения этих положений Германия будет рассматриваться как «совершившая враждебный акт» [23: 329].

Усиление позиций Берлина привело к тому, что Варшава в рамках политики изоляции Праги стала наращивать сотрудничество с Венгрией, для чего польский премьер М. Зиндрам-Косцялковский с 23 по 26 апреля 1936 г. посетил Будапешт, чтобы продвинуть замыслы министра Ю. Бека о создании оси Варшава – Будапешт – Рим. Имелся в виду т. н. план «междуморья», или «Третьей Европы», который исходил из теоретического положения, что советско-германский антагонизм позволит Польше не только сохранить между ними равновесие, но и создать новый блок из центральноевропейских государств под ее главенством. С этой целью уже с середины 1935 г. Бек прилагал усилия, чтобы увлечь этим планом прибалтийские и скандинавские страны во главе со Швецией и Финляндией, которые в соответствии с ним должны были объявить нейтралитет. Наряду с балтийскими государствами важную роль в этом плане предстояло сыграть Румынии, Югославии, Италии, Венгрии. Роль же статиста была отведена Чехословакии, в состав которой входила тогда Подкарпатская Русь.

Основной чертой этого плана была его противоречивость, заключающаяся в несовместимости, с одной стороны, его участников, а с другой – методов создания и целей. Румыния и Югославия были членами Малой Антанты и стремились к сохранению Версальской системы, а Италия и Венгрия – странами, подписавшими Римские протоколы и стремившимися к ревизии границ. По этой причине они не могли сосуществовать в рамках одного блока. Еще один элемент плана – общая польско-венгерская граница в Закарпатье – предполагал ревизию чехословацких границ. Наконец, с его объективной целью – стать третьей силой в Европе, «Третьей Европой», *неким арбитром* между Западом и Востоком – не могли согласиться ни западные державы, ни Советский Союз. В Лондоне не возражали против этого плана, но полагали, что Польша слаба для его осуществления. Венгерские дипломаты считали его нежизнеспособным, не учитывавшим реальное положение, уже существовавшие политические блоки [14: 182]⁸.

Бек посвящал немало времени его воплощению, используя в качестве орудия борьбы с советскими планами по созданию системы коллективной безопасности, а также для сближения с Румынией и Югославией. Поскольку последние были членами Малой Антанты и не могли участвовать в рамках другого блока одновременно с Венгрией, то объективной целью проводившейся им политики в связи с планом «Третьей Европы» должен был стать развал данного блока.

Эта цель не могла не импонировать и общему характеру польско-венгерского сотрудничества, что проявилось во время переговоров Косцялковского с венгерским министром иностранных дел К. Каней. Последнего интересовали польско-чехословацкие отношения в связи с советско-чехословацким договором, а также открытие чехословацких аэродромов для советских самолетов. Министр также выразил удовлетворение в связи с согласованностью действий в отношении финансирувавшихся Венгрией и Польшей партий в Закарпатье⁹. В частности, если бы этой области была предоставлена автономия, как обещал премьер Годжа, то Каня предлагал сорвать ее утверждение в чехословацком парламенте при помощи партии И. Куртыка и хотел выяснить, как «польская сторона оценивает возможность решения "рутенского вопроса" в будущем» [14: 224–225].

Как можно заметить, польские и венгерские партнеры понимали друг друга с полуслова, ибо сразу же по окончании переговоров в Варшаве прошло собрание Союза польской государственной идеи, где прозвучала мысль, что советско-чехословацкое сближение угрожает Польше и поэтому необходим союз с Венгрией. После этого было принято решение потребовать от Лиги Наций предоставить «Венгрии мандат на Закарпатскую Украину (подкарпато-рутенскую землю), ставшую в руках чехов самым опасным источником бурь в Европе, а в Словакии провести плебисцит, чтобы выяснить желание населения относительно государственной принадлежности» [14: 227].

Руководство ЧСР в лице, прежде всего, президента Бенеша вынуждено было предпринимать действия нейтрализационного характера, а также кооперироваться с зарубежными партнерами. Проходившие весной 1936 г. переговоры между Москвой, Прагой и Бухарестом предусматривали заключение советско-румынского договора о взаимной помощи и соглашения о пропуске через румынскую территорию, в случае возникновения угрозы для независимости Чехословакии, советских войск во исполнение условий советско-чехословацкого договора [28: 236–237]. Переговоры шли очень медленно, ибо встречали на своем пути значительное противодействие со стороны влиятельных придворных и военных кругов Румынии, которые решительно выступили против возможности предоставления советским

войскам права прохода через Буковину для помощи Чехословакии. От позиции Румынии в тот момент зависела дальнейшая судьба как Балкан, так и всей Европы, ибо это был реальный шанс для создания серьезного противодействия на пути возможной агрессии. Поэтому усилия определенных западных кругов, прежде всего Берлина, были направлены на то, чтобы сорвать достижение договора между Советским Союзом и Румынией и соглашения о пропуске войск. В качестве непосредственных исполнителей этих планов активную роль сыграли Югославия и Польша [3: 129].

В частности, для того чтобы продемонстрировать свою обеспокоенность, санационный МИД через своего посланника в Бухаресте М. Арцишевского во время советско-румынских переговоров весной 1936 г. запросил румынское правительство, признает ли оно по-прежнему договор о дружбе с Польшей и соглашение их Генеральных штабов. Не удовлетворившись этим шагом, Бек, к удивлению дипломатических кругов, в конце мая нанес визит в Белград, где ему вскоре удалось достичь взаимопонимания со Стоядиновичем [20: 118–121]¹⁰.

В результате Югославия, угрожая пойти на раскол Малой Антанты, оказала сильнейшее давление на Румынию¹¹. Переговоры были вновь приостановлены, а бухарестская встреча глав государств Малой Антанты, прошедшая 6–9 июня 1936 г., окончилась безрезультатно¹². И хотя Бенеш во время официальных контактов стремился продемонстрировать, что положение дел как внутри блока, так и в Чехословакии находится на приличном уровне¹³, «бухарестское совещание явилось тем переломным моментом, с которого разложение Малой Антанты пошло более быстрыми темпами» [3: 131].

Таким образом, усиление германских позиций в Центральной Европе после ремилитаризации Рейнской области способствовало, с одной стороны, поискам Парижем и Прагой новых путей противодействия возраставшему германскому влиянию, в т. ч. налаживанию более тесного взаимодействия с Варшавой, а с другой – укреплению прогерманской политики Бека. В частности, в результате совместного польско-германского давления на Югославию были сорваны подписание советско-румынского договора, который должен был дополнить советско-чехословацкий договор 1935 г., а также заключение нового пакта Малой Антанты, предполагавшего гарантию против любого агрессора, прежде всего, против нацистского рейха.

Учитывая возраставшую угрозу со стороны Германии, а также нарастание противоречий внутри Малой Антанты, Град стремился укрепить свои позиции внутри страны. 23 июня 1936 г. был принят закон о защите республики, в соответствии с которым предпринимался целый ряд мер, укреплявших государственную власть на местах¹⁴, а также

введен режим приграничной зоны в 23 районах, включая Тешенскую Силезию. Этот закон вызвал резко негативную реакцию в Германии и Венгрии, отрицательное отношение ряда политических партий, включая генлейновцев, глинковцев, а также венгерского и польского меньшинств [24: 203]. Видимо, для того чтобы продемонстрировать твердость и последовательность в проведении этой политики, министр Крофта заявил 25 июня 1936 г. в парламенте о прежнем курсе правительства в отношении польского населения [24: 38]¹⁵.

После смерти Пилсудского режим санации оказался в состоянии кризиса, который продолжался и в 1936–1937 гг. Его характерной чертой была политическая нестабильность, проявлявшаяся, в частности, в замене одних организаций «санации» другими. Прекратил свое существование ББВР¹⁶ – основная опора режима, функции которого приняло объединение, созданное А. Коцом, – Лагерь национального объединения (ОЗОН). Одновременно идеологи режима, в частности, один из его основных представителей Б. Медзиньский¹⁷, вели усиленный поиск путей обновления правящего лагеря.

Тем временем гитлеровской дипломатии удалось добиться важного достижения на международной арене. 11 июля 1936 г. Германия подписала с Австрией двустороннее соглашение, формально подтверждавшее ее суверенитет. Однако оно включало статью, гласившую, что «правительство австрийского федерального государства будет постоянно руководствоваться в своей общей политике и, в частности, в своей политике по отношению к Германии тем принципом, что Австрия признает себя немецким государством» [9: 574]. Этот пункт свидетельствовал о том, что Гитлер сделал важнейший шаг к завоеванию господствующих позиций в Центральной Европе, что приведет, с одной стороны, к вытеснению Италии из этого региона, а с другой – к будущему аншлюсу.

Таким образом, германо-австрийское соглашение от 11 июля 1936 г. означало, во-первых, завоевание рейхом ключевой позиции «к овладению Центральной Европой», а во-вторых, неизбежную перспективу дальнейшего ослабления в этом регионе внешнеполитических позиций Чехословакии, т. к. сюда в скором времени последует экономическое и политическое проникновение Германии, а также Венгрии и Польши¹⁸.

Реализуя линию на сближение с Будапештом, Варшава стремилась придать некий динамизм своему влиянию в Словакии, дабы расшевелить там сепаратистские тенденции, в т. ч. при помощи т. н. людаков во главе с католическим священником А. Глинкой. Возрастание активности братиславского консульства началось еще зимой 1936 г. и реализовалось по двум направлениям. Первое было связано со

стремлением Вежбовой подорвать значение советско-чехословацкого договора 1935 г., для чего предполагалось объединить религиозные и националистические элементы Словакии на антикоммунистической основе. В феврале директор политического департамента варшавского МИД Т. Кобыляньский рекомендовал братиславскому консульству «использовать деликатные намеки, имеющийся опыт и связи, чтобы вызвать активную антикоммунистическую кампанию, которая бы показала, что распространение коммунистического влияния в Чехословакии является прямым следствием той благоприятной позиции, которую заняли чешские круги в отношении подрывных влияний, идущих с Востока».

В рамках этого поручения консул Лачиньский установил тесный контакт с католической организацией Списка Катула, «проявлявшей активную заинтересованность и симпатию к Польше». Ее возглавлял епископ Я. Воташчак, по инициативе которого в начале мая 1936 г. было организовано заседание с участием польского консула. В итоге была принята резолюция, что в случае усиления коммунистического влияния в Словакии вопреки сопротивлению духовенства «следовало бы обратиться с просьбой о помощи к Польше или даже к Венгрии» [25: 205].

Второе направление деятельности братиславского консульства было связано с попыткой оказать влияние на крупнейшую словацкую молодежную католическую организацию – Католическое объединение, насчитывавшее 11 500 членов и 250 кружков, в котором ведущую роль играл депутат К. Сидор. Однако возлагавшихся на него надежд последний не оправдал, предпочитая демонстрировать готовность к сотрудничеству, но уклоняясь от конкретной деятельности [25: 202–204].

Из Праги уже давно наблюдали за деятельностью польского консульства в Братиславе и за сближением людаков с Польшей. Попытка прервать эти контакты была предпринята в связи с визитом в ЧСР деятеля Фронта Морж, политического эмигранта В. Корфанты. Ему была поручена миссия убедить Глинку в том, что санационный режим Польши не является идеальным партнером для политического сотрудничества. В начале августа 1936 г. Корфанты в сопровождении нескольких соратников по движению отправился к Глинке в Ружемберк, где, в соответствии с донесением консула Лачиньского, передал ему в дар ценную шкатулку и затем во время беседы убеждал его в губительности для Польши правления военных, заявив, что это правительство состоит из «безбожников и радикалов». Корфанты также пытался доказать, что тактика сотрудничества Сидора с санационными дипломатами ведет к катастрофе, и просил Глинку ее изменить,

добавив, что католиков в Польше представляет он сам и поэтому вынужден находиться на чужбине¹⁹.

Лачиньский сообщал, что Глинка некоторое время находился под впечатлением от встречи с Корфантами, но позднее понял «истинную цель этого визита и вновь полностью одобрил тактику Сидора». Если учесть, что Глинка прекрасно понимал прагматичную подоплеку политической активности «санационной» дипломатии (суть тактики Сидора заключалась в демонстрации сотрудничества, а не самом сотрудничестве), то, похоже, что в Граде были склонны несколько преувеличивать значение санационно-людацкого альянса [25: 207].

Тем временем 14 сентября 1936 г. в Братиславе на очередную сессию Постоянного совета собрались союзники по Малой Антанте. На ней обсуждался новый чехословацкий проект, предусматривавший совместное противодействие всякой агрессии как предпосылки для будущего заключения пакта между Малой Антантой и Францией. Участие Франции в союзе Малой Антанты усилило бы в ней позиции Чехословакии и воспрепятствовало намечавшемуся отходу от нее Югославии. Однако на братиславской сессии, где, кстати, уже не присутствовал ревностный поборник новой концепции пакта румынский министр Титулеску²⁰, проект Бенеша не был принят, т.к. Чехословакия оказалась перед лицом общего фронта Югославии и Румынии²¹.

Учитывая опыт братиславской сессии, следовало предварительно договориться о совместных чехословацко-румынских действиях в рамках Малой Антанты, с помощью которых можно было бы преодолеть сопротивление Югославии. О путях осуществления этой идеи говорили в конце октября 1936 г. Бенеш с королем Каролом во время его визита в Прагу.

Согласно договоренности Бенеша с Каролом, положение Малой Антанты предполагалось усилить пактом с Францией, в результате чего было бы создано необходимое условие для включения Малой Антанты как единого целого в переговоры о новом Локарно. В отношении Германии было высказано мнение, что предпочтительным может стать германо-малоантантовский пакт или же пакты о ненападении между Германией и отдельными странами Малой Антанты. В частности, допускалась возможность заключить такой пакт только с Чехословакией с согласия членов Малой Антанты и Франции.

С одной стороны, перспектива этих планов должна была способствовать консолидации членов Малой Антанты, в особенности Югославии, а с другой – этот расширенный союз укрепил бы международный авторитет Малой Антанты настолько, что «если при переговорах о новом Локарно возвратились бы к вопросу о пакте четырех либо о пакте пяти с участием Польши, тогда Малая Антанта предъявила бы

требование о своем участии» [3: 431]. В целом итоги встречи Бенеша с Каролом, с точки зрения дальнейших внешнеполитических перспектив, можно было рассматривать как удачные для Града.

В то же время существуют документы, представляющие ее в несколько ином свете и рисуящие ее возможную подоплеку в связи с дипломатическими комбинациями на международной арене. Так, источник польской военной разведки²² накануне визита, 23 октября 1936 г., сообщал: «В тех [французских] кругах, где внимательно следят за событиями в Центральной Европе, впечатление таково. Поездка короля, несомненно, входит в программу дипломатического наступления, имеющего целью совершенно уничтожить советское влияние в Центральной Европе, разорвав советско-чехословацкий пакт. Она подготовлена и несколькими событиями, в частности, свиданием Бека и фон Папена²³ в Далмации, поездкой фон Папена в Прикарпатье и в район Марамароша (встреча с Бераном²⁴), крахом французского влияния в Бельгии (последнее также приписывается решающим разговорам Бека с ван Зееландом во время пребывания Бека в Бельгии, причем Бек выступал в данном вопросе агентом сэра Роберта Ванситтарта²⁵, т. е. представлял интригу некоторых английских консервативных кругов), проникновением Германии на Балканы в результате поездки Шахта и предстоящим соглашением Рима с Берлином после переговоров Чиано.

В этом аспекте отставку Титулеску и предстоящие вскоре перемены в румынском кабинете, разоблаченные национал-царанистами, рассматривают как победу Варшавы и поворот Румынии на рельсы польской политики, причем объявленная уже в прессе предстоящая поездка Бека в Лондон чрезвычайно беспокоит французские круги, так как там считают, что эта поездка составляет также одно из звеньев антисоветской интриги Бека-Ванситтарта в Центральной Европе» [17: 50–51].

Перечислив участников возможной политической комбинации, источник переходил непосредственно к возможным целям этой международной дипломатической комбинации: «Много говорят (в ближайшие дни это появится в "Энтрэне" за подписью Руже Вильмона, по линии Кэ д'Орсэ), что в Праге будут обсуждаться и комбинации, идущие дальше простого разрыва Праги с Москвой. Речь идет о реализации старого польского плана установления общей границы с Венгрией и уничтожении чешско-румынской общей границы. Считают, что этот план разработан в очень ловкой постановке, а именно – уступить земли не Венгрии, что невозможно для Румынии и Чехии по соображениям престижа, а Польше, усилив польские гарантии Румынии по военному союзу и раз и навсегда ликвидировав поль-

ско-чешские недоразумения и трения из-за Тешена. Не исключена возможность, что этот план уступки земель сыграет в руках Кароля роль козыря против Бенеша, если последний проявит желание идти до конца в своем соглашении с Москвой. В таком случае Румыния может пригрозить, что поможет польскому плану установления общей границы Польша – Венгрия, уступив небольшой кусок земли вдоль своей границы с Чехией, не дожидаясь присоединения Праги к таким планам и фактически прерывая единый стратегический фронт Малой Антанты и оставляя Прагу один на один с Берлином и Варшавой» [17: 51].

В заключение подводились немногословные, но весьма важные итоги: «Надо считать, что Бек успел привлечь на свою сторону Стоядиновича во время своего пребывания в Далмации и личных встреч, поэтому нынешняя поездка Татареску в Белград и личные встречи его со Стоядиновичем рассматриваются как последняя подготовка объединенного румыно-югославского нажима на Прагу» [17: 51].

Таким образом, основной целью визита короля Кароля в Прагу было добиться от Бенеша обещания отказаться от сближения с Москвой в обмен на расширение сотрудничества в рамках Малой Антанты, чего, вероятно, ему удалось достичь. Определенным парадоксом выглядит тот факт, что, желая договориться с Каролем о совместной чехословацко-румынской позиции в отношении Югославии, Бенеш сам был определен в качестве объекта румыно-югославского давления. Представляется также, что одним из значимых для Града результатов встречи было согласие Кароля с потенциальной возможностью заключения германо-чехословацкого пакта.

Не способствовали укреплению уверенности чехословацкого руководства и слухи о существовании планов раздела Чехословакии. Например, в письме от 26 ноября 1936 г. советскому полпреду в Праге С. Александровскому нарком иностранных дел СССР М. Литвинов, в частности, сообщал: «Из источника, за безусловную достоверность которого я не ручаюсь, известно, что Муссолини предлагал Белграду следующую комбинацию. Германия получает согласие на аншлюс, Италия, Югославия и Венгрия заключают блок, к которому присоединяется Польша, которая в результате раздела Чехословакии получает общую границу с Венгрией. Чехословакия делится между Венгрией, Польшей и Германией, взамен чего Германия отказывается от дальнейшей экспансии на Восток и поворачивается фронтом к Франции и Великобритании, добиваясь колоний» [8: 781].

Казалось бы, что предупреждение наркома о возможной ненадежности источника практически ставило под сомнение его дальнейшее использование, но в ответном письме от 1 декабря 1936 г. Александ-

ровский подтверждал эту информацию, но уже полученную от чешской стороны. «В разговоре со мной 1 ноября с. г. Крофта упоминал о польском проекте раздела Чехословакии. Сейчас по Праге ходит слух, преподносящий вопрос о плане раздела Чехословакии в следующей развернутой версии. Судето-немецкие части отходят к Германии. Словакия присоединяется к Венгрии. Польша получает Моравскую Силезию и ряд исправлений на своей границе в Татрах и Карпатах. Закарпатская Русь отходит к Венгрии лишь в незначительной части. Карпатские же горы отходят к Румынии с тем, чтобы румынская граница приняла в стратегическом отношении "естественный характер".

Я ни в какой степени не выдаю изложенное за сколь-нибудь серьезный план. Разговоры на эту тему слышны в журналистских кругах. Однако, поскольку изложенное в главных чертах совпадает с тем, что Вы сообщаете мне в Вашем письме от 26 ноября, я решил Вас осведомить об изложенном и попытаться следующей почтой произвести проверку в первоисточниках» [8: 626].

К сожалению, дополнительных сведений об этой информации найти не удалось, но обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Если в первом письме авторство инициативы приписывалось Муссолини, то во втором Крофта упомянул о «польском проекте раздела Чехословакии», дав, таким образом, повод говорить о его санационном происхождении. Поскольку Италии отводилось заметное место в планах Бека по созданию т. н. «междуморья», к тому же в этих прожектах были задействованы и другие предполагаемые их участники – Венгрия, Румыния, Югославия, то версия о санационных корнях формирования и распространении слухов об участии в этом процессе польских правящих кругов определенно заслуживает внимания. Следует отметить, что спокойствия чехословацкому руководству эти слухи не прибавляли.

Поскольку к концу 1936 г., с одной стороны, в политике членов Малой Антанты проявились заметнее центробежные тенденции и ее политические связи с Францией были ослаблены, а с другой – политика и планы соседних стран, в т. ч. Германии и Польши, приобретали все более недружественный характер²⁶, Град начал изыскивать дополнительные средства для обретения уверенности в политическом будущем, активизируя сотрудничество с Кремлем. Данные о нем весьма немногословны. Например, источник пражского МИД сообщает, что 9 ноября 1936 г. из советского Генерального штаба поступило предложение углубить и укрепить существующие связи между чехословацкими и советскими военными деятелями путем обсуждения между «соответствующими военными представителями основных линий стратегического плана действий». Проинформировав

Париж об этом предложении, Бенеш предлагал использовать русский козырь лишь в том случае, если усилия к достижению соглашения с Германией натолкнутся на трудности и препятствия [4: 434]²⁷.

К концу 1936 г., когда планы заключения германо-чехословацкого и франко-малоантантовского союза потерпели фиаско, а положение чехословацкого руководства осложнилось, похоже, настал именно такой момент. Во всяком случае, такой вывод можно сделать на основании информации, поступавшей по линии польских дипломатических и разведывательных источников. Интерес к возможным военным аспектам реализации советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. польская дипломатия проявила вскоре после его подписания. В беседе с М. Литвиновым 4 июня 1935 г. посол Польши в СССР Ю. Лукаевич предположил, что договор с Чехословакией ввиду географического положения как будто «висит в воздухе», и ему представляется неясной его цель²⁸. Он также обратил внимание на совпадение заключения договора с подписанием воздушного соглашения, и что эти акты, очевидно, между собою связаны. Литвинов в ответ заметил, что география обеим странам известна, тем не менее они нашли интересным для себя заключение договора, совпадение которого по времени с воздушной конвенцией носит чисто случайный характер [7: 378].

Однако в Варшаву поступала и иная информация. Так, 28 ноября 1936 г. в «двойку»²⁹ поступило донесение источника польской военной разведки о реализации советско-чехословацкого военного сотрудничества. Сообщалось, что в Ужгороде, Кошицах, Жилине, Тренчине, Нитре и Пахе началось строительство аэродромов, а еще в 38 районах ведется подготовка к их строительству [17: 50–51].

Это донесение свидетельствовало о том, что в Граде, по всей видимости, действительно решили, что подходящий момент для использования «советского козыря» наступил. Учитывая тот факт, что общей сухопутной советско-чехословацкой границы на тот момент не существовало, а советско-румынские переговоры о пропуске советских войск через румынскую территорию были провалены не без участия Бека, чехословацкое политическое руководство вполне адекватно отреагировало на неблагоприятные внешнеполитические перспективы и приняло решение о строительстве сети аэродромов, которые в случае необходимости можно было использовать для создания воздушного коридора между Чехословакией и Советским Союзом.

Возникает вопрос о степени адекватности этой меры при существовавшей политической обстановке и, например, планах санационного руководства Польши. Ответ на этот вопрос можно попытаться найти

в беседе Бека с Шембеком, состоявшейся в декабре 1936 г., во время которой Бек представил подготовленный план завершения конфликта с Чехословакией. Он предусматривал, что дальнейшее развитие внешнеполитической ситуации не позволит Франции вмешиваться в дела Центральной Европы, в особенности Чехословакии, где ситуации предстояло осложниться в еще большей степени. В этих условиях, по мнению Бека, исключались две вещи – пассивность Польши и польско-чехословацкий союз против Германии. В связи с этим вполне реальной становилась возможность отчуждения Тешенской Силезии Польшей и Подкарпатской Руси Венгрией, на основе чего была бы создана польско-венгерская граница. Что касается Словакии, которую в своих планах учитывала и Венгрия, то ей предстояло превратиться в буферное государство под протекцией Польши. Единственное обстоятельство, которое ставило под угрозу реализацию этого плана, – возможное вмешательство Советского Союза, но на этот случай была предусмотрена концентрация на советско-польской границе польских войск [27: 267; 31: 220].

Еще одно донесение польской военной разведки «Новые пути чехословацкой внешней политики» от 10 декабря 1936 г. свидетельствовало о том, что данные о сближении с СССР в военной области были не эпизодом, а говорили о долговременном сотрудничестве. Источник анализировал экспозе Крофты в комиссиях по иностранным делам обеих палат парламента, ставшее своеобразным подведением итогов внешней политики Чехословацкой Республики за 1935–1936 гг. И хотя в выступлении министра тема отношений с СССР и мер обеспечения безопасности государства на случай нападения Германии не была затронута напрямую, главной была именно она. В донесении содержался весьма важный вывод, что «при необходимости обеспечить безопасность государства от внешних угроз, в первую очередь со стороны Германии, и в условиях весьма ухудшившихся отношений с Польшей самая влиятельная парламентская партия – аграрии – отказалась от проводимого с момента возникновения республики сопротивления политике сближения с СССР и дала свое согласие на соответствующий союз» [17: 53].

Таким образом, к концу 1936 г. польско-чехословацкие отношения вступили в новый этап. Внешняя политика правящих кругов Польши в регионе была направлена, с одной стороны, на дальнейшее укрепление сотрудничества с Германией и Венгрией, а с другой – на ослабление связей между странами Малой Антанты. Одновременно политика в отношении Чехословакии становится составной частью планов Бека о «междуморье», предполагавших открытую ревизию чехословацких границ за счет земель Подкарпатской Руси. Расчет делался на то, что

решение проблемы судетских немцев неминуемо приведет к распаду ЧСР и либо Будапешту, либо Варшаве удастся «оттяпать» этот регион для установления совместной польско-венгерской границы, необходимой для создания этого самого «нейтрального блока».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 10 июля с. г. бывший президент Украины А. Порошенко был освистан и вынужден покинуть митинг в поддержку своей партии «Европейская солидарность» в закарпатском г. Свалява [1].

2. Одно из ласковых прозвищ, которым называли за глаза соратники маршала Ю. Пилсудского.

3. Под данным термином подразумеваются идейные наследники Пилсудского, преследовавшие те же цели во внутренней и внешней политике и действовавшие его методами.

4. Еще раньше, 26 марта 1935 г., в Праге был заключен договор между СССР и Чехословакией о торговле и судоходстве. 17 мая последовало сообщение советской печати о заключении советско-чехословацкого соглашения о воздушном сообщении, а 4 июня – о заключении кредитного соглашения между СССР и Чехословакией [7: 219, 339, 381].

5. Политический режим, установленный в Польше после майского переворота Пилсудского 1926 г., ставивший перед собой задачу т. н. санации внутренней и внешней политики.

6. Гитлер, видимо, неслучайно многие агрессивные акты назначал на выходные дни, т. к. в правительственных учреждениях в то время отсутствовали руководители.

7. Германские войска заняли Кельн, Дюссельдорф, Могунцию и Маннгейм, перейдя на левый берег Рейна.

8. Окончательно они потерпели фиаско в 1938 г., когда Италия, которой отводилась роль основной опоры в проведении политики «Третьей Европы», в марте перешла в германский лагерь, а польское влияние было полностью вытеснено рейхом из Словакии, равно как и из остальных предполагаемых стран – участниц «Третьей Европы». В историографии неоднократно высказывалось мнение о нереальности плана «междуморья» [22: 265–278; 28: 228–238; 30: 273].

9. «Подобного рода сотрудничество [с финансируемыми Венгрией и Польшей партиями в Закарпатье] прослеживалось в течение всего межвоенного периода. Начиная с 1922 г. в поле зрения чехословацкой службы безопасности попал <...> лидер П[одкарпатского] З[емледельческого] С[оюза] <...> Андрей Бродий. Его провенгерская деятельность потерпела политическое фиаско в октябре 1938 г. <...>. Некоторые другие русофильские деятели заигрывали и с иностранным дипломатами. Несомненно, что за такие услуги венграм местные

псевдопатриоты получали материально-финансовую благодарность» [5: 121; 6: 207].

10. Стоядинович тогда заверил Бека, что, несмотря на принадлежность к Малой Антанте, Югославия не имеет планов препятствовать присоединению Австрии к Германии или же защищать Чехословакию в случае венгерской агрессии [3: 129].

11. Для того чтобы избежать раскола, Титулеску был вынужден накануне бухарестской встречи посетить Белград, где Югославия дала ясно понять, что она не желает участия СССР в делах Центральной Европы. Только при этом условии она согласилась участвовать в бухарестской встрече.

12. Бухарестское совещание имело для чехословацкого руководства ключевое значение, т. к. предстояло изменить направленность блока Малая Антанта. На нем рассматривался основной вопрос – необходимость укрепления союза стран – участниц блока. Чехословакия выдвинула на этом совещании проект нового пакта Малой Антанты, дававшего гарантию против агрессии с *любого направления* (раньше направленность была антивенгерская). Основным противником чехословацкого предложения стал принц-регент Павел, заявивший, что в случае заключения пакта «мы восстановили бы против себя Германию» [4: 414]. В то же время Чехословакия также представила проект договора между Малой Антантой и Францией. Правительство Франции, сославшись на то, что ведутся переговоры локарнских держав о новом союзе, рекомендовало отложить всякие официальные переговоры относительно укрепления связей между Францией и Малой Антантой, дабы не дать Германии предлога уклониться от участия в них и не нанести удара по этим переговорам [24: 9–11, 115, 545].

13. Советский полпред в Румынии Островский сообщал 7 июня 1936 г. о беседе с Бенешем, заявившим, что «очень доволен результатами сегодняшнего совещания, что происки Варшавы против Малой Антанты не увенчались успехом, что Чехословакия ведет свою политическую линию, невзирая и не страшась польского шантажа, ни немецких угроз, что Чехословакия упорно вооружается» [8: 292].

14. В частности, была расширена компетенция военных властей, от которых теперь требовалось разрешение на возведение зданий культового, общественного характера, а также дорог, водопроводов и т.д. Власти получили право определять степень лояльности работников объектов стратегического значения [26: 203].

15. Следует отметить, что из Варшавы внимательно следили за политической жизнью польского населения Тешенской Силезии, регулярно составляя по этой теме обзоры. Например, 24 июня 1936 г. во II отделе Главного штаба был подготовлен обзор сектора

«W» «Характеристики польских деятелей в Тешенской Силезии» о т.н. тамошней польской элите – поляках, пользовавшихся доверием со стороны местных чешских властей [18: 93–101].

16. Беспартийный блок вспулпрацы з жондем (Беспартийный блок сотрудничества с правительством) – политическая организация, объединявшая с конца 20-х гг. сторонников политической линии Пилсудского, в т.ч. и в сейме.

17. Доверенное лицо режима санации, главный редактор полу-официозной «Газеты польской».

18. После германо-австрийского соглашения от 11 июля 1936 г. в Будапеште рассчитывали, что Гитлер заставит Чехословакию предоставить судетским немцам автономию, далее последует создание автономной Словакии, а затем Венгрия и Польша получат возможность реализовать свои территориальные претензии. В Будапешт специально прибыл за инструкциями один из руководителей венгерского автономистского движения в Южной Словакии граф Я. Эстергази [13: 53].

19. По-видимому, Корфанты подразумевал, что истинный католик не может и не должен сотрудничать с режимом санации ввиду его излишнего радикализма.

20. Несмотря на противодействие со стороны Бенеша, в результате совместных германо-итальянских усилий и не без участия польской дипломатии Титулеску 29 августа 1936 г. был вынужден уйти в отставку [21: 425–426; 28: 104–123; 33: 96].

21. Бухарест все в большей степени склонен был учитывать польскую позицию, о чем свидетельствовал предпринятый 26–28 сентября 1936 г. визит в Варшаву нового министра иностранных дел Румынии В. Антонеску. А во время пребывания короля Кароля в Варшаве в июле 1937 г. ранг дипломатических представительств был повышен до посольского [4: 424; 17: 50; 26: 211–212].

22. Как следует из контекста, источник имел французские корни. Учитывая тот факт, что материал написан на русском языке, а также неплохую осведомленность автора в издательской кухне, можно предположить, что это русский эмигрант, вероятно, бывший военный, из репортерской среды, живший в Париже.

23. Франц фон Папен – германский политик и дипломат, канцлер (1933–1934), посол в Австрии (1934–1938).

24. Один из лидеров чехословацких аграриев, симпатизировавших режиму санации [26: 200].

25. Постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

26. В декабре 1936 г. состоялся доверительный разговор статс-секретаря Вежбовой Я. Шембека с Беком, согласно которому раздел Чехословакии предполагался уже в 1937 г. [33: 220].

27. Вероятно, чехословацкий президент отдавал себе отчет, что практическое сотрудничество между французским и советским Генеральными штабами вряд ли осуществимо. Так, например, «когда в ноябре 1936 г. в связи с итало-германским соглашением и начавшимся распадом Малой Антанты Блюм созвал совещание военных руководителей, на котором было решено приступить к установлению контактов французского Генерального штаба с Генштабами стран Малой Антанты, о соглашении с Генштабом Советского Союза вопрос даже не был поставлен» [2: 282].

28. Лукасевич имел в виду тот факт, что у Чехословакии не было с СССР общей сухопутной границы и это создавало значительные проблемы в сфере военной реализации советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г.

29. II отдел Главного штаба Войска Польского – разведка и контр-разведка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апулеев И. «Он всех обокрал!» Как Порошенко выперли с Закарпатья. 11.07.2019. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/11_a_12491725.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 24.09.2019).

2. Белоусова З.С. Франция и европейская безопасность. М.: Наука, 1976. 418 с.

3. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933–1938. М.: Наука, 1966. 271 с.

4. Внешняя политика Чехословакии 1918–1939: сб. ст. / Под ред. В. Сояка. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.

5. Гиря В.І. Угорська іредента в міжвоєнному Закарпатті (угорський фактор у суспільно-політичному житті). Ужгород: Всеукр. держ. вид-тво «Карпати», 2012. 200 с.

6. Державний архів Закарпатської області. Ф. 2. Оп. 2. Спр. 302.

7. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М.: Политиздат, 1973. 720 с.

8. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М.: Политиздат, 1974. 824 с.

9. История дипломатии / Под ред. акад. В.П. Потемкина. М.: Политиздат, 1945. Т. III. 884 с.

10. Липи А. The Wall Street Journal (США): Трамп и Дуда договорились об увеличении военного контингента США в Польше более чем на 1000 человек // Иносми. 13.06.2019. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190613/245263607.html> (дата обращения: 24.10.2019).

11. Морозов С.В. «Варшавская мелодия» для Москвы и Праги. Документы из личного архива И.В. Сталина, Службы внешней разведки Российской Федерации, II отдела Главного штаба Войска Польского и др. (1933–1939). М.: Междунар. отношения, 2017. 592 с.

12. Морозов С.В. Подкарпатская Русь во внешней политике Польши и

Чехословакии (1932–1935 гг.) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 251–263. DOI: 10.17223/18572685/54/14

13. Поп И.И. Чехословацко-венгерские отношения. 1935–1939. М.: Наука, 1972. 247 с.

14. Пушкаш А.И. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1934 – январь 1937 г. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. 303 с.

15. Шибыльский Я. Do Rzeczy (Польша): Путин стремится к новому Ялтинскому соглашению // Иносми. 09.07.2019. URL: https://inosmi.ru/politic/20190709/245437883.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 24.10.2019).

16. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 308к. Оп. 3. Д. 360.

17. РГВА. Ф. 308к. Оп. 3. Д. 357.

18. РГВА. Ф. 308к. Оп. 12. Д. 270.

19. Хазин М. О том, что мир ждет новая Ялтинская и новая Бреттон-Вудская конференция // 15.04.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/mhazin-o-tom-cto-mir-jdet-novaia-ialtinskaia-i-novaia-brettonvudskaia-konferenciia-5cb4563419ea8500b3f60c48 (дата обращения: 24.11.2019).

20. Beck J. Dernier rapport. Politique Polonaise 1926–1939. Neuchâtel: La Baconnière s.d., 1951. 366 p.

21. Batowski H. Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 r. // Kwartalnik Historyczny. 1958. № 65. S. 423 – 439.

22. Batowski H. Środkowoeuropejska polityka Polski w latach 1932–1939. Tezy // VIII Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Historia najnowsza Polski. Wrocław: PWN, 1960. 1120 s.

23. Benoist-Méchin J. Niemcy i armia niemiecka 1918–1938. T. I. W.: Towarzystwo wydawnicze Rój, [1938]. 341 s.

24. Chronologia stosunków międzynarodowych Polski 1936–1937. Zestawiła Mgr Maria Safianowska. W., 1961. 159 s.

25. Kozeński J. Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1964. 319 s.

26. Magyar Országos Levéltár (Венгерский национальный архив). K-64 (Reservált politikai iratok (Запезервированные политические документы)). 1934; K-83 (Külügyminisztérium Levéltára. Képviselőtek. Magyar követség. Berlin (МИД. Архивы. Дипломатические учреждения. Венгерское представительство. Берлин)). 1936.

27. Mikulicz S. Wpływ dyplomacji sanacyjnej na obalenie Titulesku // Sprawy Międzynarodowe. 1959. № 7–8. S. 104–123.

28. Ort A. Malá dohoda a Mnichov // Československý časopis historický. 1954. Roč. II. № 2. S. 203–259.

29. Otázka třetí Evropy v polské zahraniční politice roku 1938 // Kdo zavinil Mnichov: Sborník z mezin. věd. zasedání k 20. výročí Mnichova [25–27.9.1958 v Praze]. 1. vyd. Praha: SNPL, 1959. 358 s.

30. Pułaski M. Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1967. 223 s.

31. Szembek J. Journal 1933–1939. Paris: Plon, 1952. 335 p.
32. Witt K. Die Teschener Frage. Berlin: Volk und Reich, 1935. 291 s.

REFERENCES

1. Apuleev, I. (2019) “*On vsekh obokral!*” *Kak Poroshenko vyperli s Zakarpat’ya* [“He has robbed everyone!” As Poroshenko was kicked out of Transcarpathia]. 11th July. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2019/07/11_a_12491725.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (Accessed: 24th September 2019).
2. Belousova, Z.S. (1976) *Frantsiya i evropeyskaya bezopasnost’* [France and European Security]. Moscow: Nauka.
3. Volkov, V.K. (1966) *Germano-yugoslavskie otnosheniya i razval Maloy Antanty. 1933–1938* [German-Yugoslav relations and the collapse of the Little Entente. 1933–1938]. Moscow: Nauka.
4. Soyak, V. (ed.) (1959) *Vneshnyaya politika Chekhoslovakii 1918–1939* [Czechoslovakian foreign policy in 1918 – 1939]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
5. Giry, V.I. (2012) *Ugors’ka iredenta v mizhvoennomu Zakarpatti (ugors’kiy faktor u suspil’no-politichnomu zhitti)* [Hungarian irredent in Trans-war Transcarpathia (Hungarian factor in socio-political life)]. Uzhgorod: Karpati.
6. *The State Archive of Transcarpathian Region*. Fund 2. List 2. File 302.
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1973) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR Foreign Policy]. Vol. 18. Moscow: Politizdat.
8. Gromyko, A.A. (ed.) (1974) *Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the USSR Foreign Policy]. Vol. 19. Moscow: Politizdat.
9. Potemkin, V.P. (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. 3. Moscow: Politizdat.
10. Leary, A. (2019) Trump, Duda Agree on Deal for 1,000 More U.S. Troops in Poland. *The Wall Street Journal*. 12th June. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/trump-duda-agree-on-deal-for-1-000-more-u-s-troops-in-poland-11560379122> (Accessed: 24th October 2019).
11. Morozov, S.V. (2017) “*Varshavskaya melodiya*” dlya Moskvy i Pragi. *Dokumenty iz lichnogo arkhiva I.V. Stalina, Sluzhby vneshney razvedki Rossiyskoy Federatsii, II otдела Glavnogo shtaba Voyska Pol’skogo i dr. (1933–1939)* [“Warsaw Melody” for Moscow and Prague. Documents from I.V. Stalin’s personal archive, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Department II of the General Staff of the Polish Army, etc. (1933–1939)]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2017.
12. Morozov, S.V. (2018) Subcarpathian Rus in the foreign policy of Poland and Czechoslovakia (1932–1935). *Rusin*. 4(54). pp. 251 – 263. (in Russian). DOI: 13.17223/18572685/54/14
13. Pop, I.I. (1972) *Chekhoslovatsko-vengerskie otnosheniya. 1935–1939* [Czechoslovak-Hungarian relations. 1935–1939]. Moscow: Nauka.
14. Pushkash, A.I. (1996) *Vneshnyaya politika Vengrii. Fevral’ 1934 – yanvar’*

1937 g. [Hungary's foreign policy. February 1934 – January 1937]. Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies RAS.

15. Przybylski, J. (2019) Putin chce nowej Jalty [Putin wants a New Yalta]. *Do Rzeczy*. 7th July. [Online] Available from: <https://www.dorzeczy.pl/swiat/107552/Putin-chce-nowej-Jalty.html> (Accessed: 24th November 2019).

16. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 3. File 360.

17. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 3. File 357.

18. The Russian State Military Archive (RSMA). Fund 308k. List 12. File 270.

19. Khazin, M. (2019) *O tom, chto mir zhdet novaya Yaltinskaya i novaya Bretton-Vudskaya konferentsiya* [About the fact that the world is waiting for a new Yalta and a new Bretton Woods conference]. 15th April. [Online] Available from: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/mhazin-otom-chto-mir-jdet-novaia-ialtinskaia-i-novaia-brettonvudskaia-konferenciia-5cb4563419ea8500b3f60c48 (Accessed: 24th November 2019).

20. Beck, J. (1951) *Dernier rapport. Politique Polonaise 1926 – 1939*. Neuchâtel: La Baconnière s.d., 1951.

21. Batowski, H. (1958) Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 r. [Romanian journey of Beck in October 1938]. *Kwartalnik Historyczny*. 65.

22. Batowski, H. (1960) Środkowoeuropejska polityka Polski w latach 1932 – 1939. Tezy [Central European policy of Poland in 1932 – 1939. Theses]. *VIII Powszechny Zjazd Historyków Polskich. Historia najnowsza Polski*. Wrocław: PWN.

23. Benoist-Méchin, J. (1938) *Niemcy i armia niemiecka 1918–1938* [Germany and the German army in 1918–1938]. Vol. I. Warsaw: Towarzystwo wydawnicze Rój.

24. Safianowska, M. (1961) *Chronologia stosunków międzynarodowych Polski 1936–1937*. Warsaw: [s.n.].

25. Kozeński, J. (1964) *Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.

26. The Hungarian National Archives. (1936) *K-64. Reservált politikai iratok. K-83 (Külgügyminisztérium Levéltára. Képviselőtek. Magyar követség)*. Berlin: [s.n.].

27. Mikulicz, S. (1959) Wpływ dyplomacji sanacyjnej na obalenie Titulesku. *Sprawy Międzynarodowe*. 7–8. pp. 104–123.

28. Ort, A. (1954) Malá dohoda a Mnichov. *Československý časopis historický*. 2. pp. 203–259.

29. Kvacsek, R. et al. (1959) *Kdo zavinil Mnichov*. Prague: SNPL.

30. Pułaski, M. (1967) *Stosunki dyplomatyczne polsko-czechosłowacko-niemieckie w latach 1933–1938*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

31. Szembek, J. (1952) *Journal 1933–1939*. Paris: Plon.

32. Witt, K. (1935) *Die Teschener Frage*. Berlin: Volk und Reich.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: roland60@mail.ru